

потеряли возможность существования за счет чисто животных средств для существования и вынуждены были перейти к систематическому применению орудий и их изготовлению».

П. И. Борисковский (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград) в докладе «Новые открытия в области палеолита и проблема безрелигиозного периода» подчеркнул, что за последние 15 лет археологам пришлось по многим вопросам пересмотреть устоявшиеся представления. Еще не так давно считалось, что резцы и скребки возникли не ранее позднего ашеля, а теперь обнаружены резцы, скребки, обработанные кости, которые относятся к олдувайской эпохе, т. е. к дошеллю по прежней классификации. Обнаружены остатки жилищ этой же эпохи; ранее появление жилищ датировалось верхним палеолитом. Значительно более древними, чем это считалось, оказались и первые следы религиозных представлений. В этой связи докладчик упомянул находку тайника с черепами пещерного медведя в позднеашельском слое Азыкской пещеры в Азербайджане, погребения костей бурого медведя в мустьерском слое пещеры Регурду во Франции и ранее открытые погребения медведей в мустье Драхенлоха и других альпийских пещер, бросание катышей в изображение человека в Базау, пирамиду из каменных сферондов в мустье Туниса и другие находки. Из всего этого П. И. Борисковский сделал закономерный вывод, что техника и культура древнейших людей уже в нижнем палеолите оказались несравненно более развитыми, чем представлялось ранее, и что, в частности, первые проявления религии относятся к среднему или позднему ашелю. Однако из этого, как подчеркнул докладчик, никак не вытекает извечность религии, просто граница ее возникновения, разделяющая безрелигиозный и религиозный ее периоды, отодвинулась в более древнюю эпоху. По мнению П. И. Борисковского, она проходит между олдувайской эпохой и последующим временем. Люди олдувая в отличие от их ашельских потомков не умели ни добывать огонь, ни пользоваться им, в их жилищах не было ни очагов, ни мастерских. Нет у олдувайцев и следов религиозных верований. Таким образом, новые открытия в археологии не опровергают наших представлений о наличии дорелигиозного периода в истории человечества.

Докладом П. И. Борисковского закончилась эта интересная конференция, ставшая важным шагом на пути обобщения и осмысления новых открытий в области генетики, археологии, палеоантропологии и других наук, занимающихся происхождением и древнейшим прошлым человечества.

Л. А. Файнберг

ВСТРЕЧА СЛАВИСТОВ В ЮГОСЛАВИИ

По приглашению Международного славистического центра (МСЦ) Социалистической Республики Сербии автор этих строк принял участие в IV Международной научной встрече славистов, проходившей в Белграде и Новом Саде в сентябре 1974 г.

МСЦ был организован несколько лет назад объединенными усилиями ученых-славистов филологического факультета Белградского университета, философских факультетов университетов в Новом Саде и Приштине и Комиссии Республиканского исполнительного веча Сербии по сотрудничеству с зарубежными странами в области культуры, науки и образования. Среди славистических научных организаций Европы МСЦ пользуется заслуженной известностью и авторитетом, ежегодно он проводит семинары для молодых славистов и студентов зарубежных стран, а также международные научные встречи по проблемам лингвистики, литературы и фольклора. Результаты этих встреч отражаются в специальных годичных сборниках (в настоящее время издано три сборника) ¹.

¹ «Научни састанак слависта у Вукове дане». Реферати и саопштења, 1—3, Београд, 1972—1974.

Главная тема IV Международной встречи славистов — «Югославская народная словесность в мировой литературе». Организаторы встречи нашли для обсуждения этой темы очень удачный повод: двести лет назад вышла книга аббата А. Фортиса «Путешествие по Далмации», в которой была опубликована на сербскохорватском языке и в итальянском переводе народная баллада «Хасанагиница». Баллада имела шумный успех в Европе — ее вскоре перевел на немецкий язык Геге, затем появились переводы на английский, французский и другие языки. В России «Хасанагиницу» переводили А. Х. Востоков и А. С. Пушкин. Таким образом, двести лет назад произошло первое знакомство новой европейской литературы с южнославянской народной поэзией. Естественно, что тема, предложенная МСЦ, вызвала широкий интерес, и с докладами на Белградском симпозиуме выступили ученые из Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, СССР, США, Франции, ФРГ, Швеции и других стран.

На симпозиуме говорили прежде всего о «Хасанагинице» — о самой балладе и о ее многочисленных переводах, переложениях, отголосках в европейских и североамериканской литературах.

Удивительная судьба у этой баллады! О ней написано, как уверяют специалисты, более двух тысяч статей и заметок; во многих литературах Европы ее переводы относятся к самым поэтическим творениям; по мотивам баллады созданы картины; в театрах Югославии ставят ее инсценировки (участникам симпозиума был показан спектакль Белградского народного театра по пьесе Л. Симовича). «Хасанагиницу» можно услышать и сейчас в исполнении народных певцов, однако надо иметь в виду, что исполнение это идет не от живой народной традиции, а от позднейшего влияния книги. Несколькими поколениями югославских фольклористов безуспешно пытались записать «подлинную» «Хасанагиницу». Похоже, что это удалось сделать лишь однажды — безвестному собирателю, чей текст попал в руки итальянского путешественника по Далмации.

В «Хасанагинице» есть все, что может увлечь поэта, ученого, просто любителя народной поэзии: острый балладный сюжет с драматической семейной коллизией; психологически глубокий и необыкновенно трогательный образ героини; картины сурового быта; загадочность некоторых ситуаций и необъясненность мотивов поведения героев; проблематичность реально-исторических связей.

На симпозиуме снова и снова предпринимались попытки объяснения «темных» мест баллады, комментировались реалии и мотивы, анализировались и сопоставлялись тексты (В. Н е д и ч — «Двести лет изучения „Хасанагиницы“», М. П а н т и ч — «Проблема „Хасанагиницы“ в записях И. Мештровича и М. Мурко»; Ж. Р у ж и ч — «Версификация „Хасанагиницы“»; П. И в и ч и А. М л а д е н о в и ч — «Филологические замечания к „Хасанагинице“»; Р. П е ш и ч — «Вопросы об историчности Хасанаги и Хасанагиницы»; П. В л а х о в и ч — «Образ матери в „Хасанагинице“»; Н. К и л и б а р д а — «Характер трагической вины в „Хасанагинице“ Фортиса»; М. Р и з в и ч — «Социальные аспекты баллады о „Хасанагинице“»).

Серия докладов была посвящена переводам «Хасанагиницы» и других народных баллад: К. Д а в и д с о н — «„Хасанагиница“ в шведской версии»; М. П а в л о в и ч — «Славянская антитеза во французских переводах „Хасанагиницы“»; Р. Ф л о р а — «Русские переводы „Хасанагиницы“»; Р. К у и ч — «„Хасанагиница“ в Голландии»; М. С т о й н и ч — «Сербские народные баллады в переводах Анны Ахматовой и Николая Заболоцкого»; С. П е н ч и ч — «„Хасанагиница“ в пушкинском переводе»; М. А н д ж е л и ч — «„Хасанагиница“ в венгерской литературе»; Е. М и л о в и ч — «О влиянии „Хасанагиницы“ на немецких поэтов». Доклады Б. Н о в а к о в и ч а, В. В у к о в и ч а и С. М а р к о в и ч а характеризовали опыты драматизации «Хасанагиницы» писателями Югославии — М. Огривичем, А. Шантичем, Л. Симовичем.

Среди всех этих выступлений, шедших в общем в русле доброй научной традиции, особое впечатление произвел доклад М. Беговича, поставившего вопрос — как следовало бы объяснить определенные части «Хасанагиницы» с точки зрения шариатского права? Дело в том, что баллада была сложена, скорее всего, в мусульманской среде и отражает характерные для нее быт, отношения и нормы. Докладчик прочитал некоторые части баллады глазами историка обычного права и нашел в нормах шариата вполне удовлетворительные объяснения отдельных сюжетных ее загадок. Так еще раз подтвердилась плодотворность союза фольклористики и этнографии.

Разумеется, симпозиум занимался не одной «Хасанагиницей». В его программу очень удачно вписались доклады по теории и истории народной баллады как жанра (Н. Банашевич — «О проблеме мистификации жанров устной словесности»; Д. Йович — «Некоторые методологические предпосылки изучения языка народной поэзии»; К. Пенушлиски — «Македонская историческая баллада в нашей современности»; Л. Вардьяш — «Роль сербской и хорватской поэзии в теории фольклорной баллады»; Б. Ничев — «Проблемы фольклорной баллады»; О. Вестерхолт — «О нерешенных проблемах изучения югославского эпоса (функции эпической системы)»; И. Деретич — «Гегель о нашей народной поэзии»).

Большой цикл докладов был посвящен различным аспектам темы «Сотрудничество Якова Гримма и Вука Караджича», а также отдельным моментам жизни и деятельности Вука Караджича.

На симпозиуме выступили и советские ученые. В докладе В. П. Гудкова (МГУ) была рассмотрена дискуссия, ведшаяся вокруг работ Вука в русской печати в 40—50-е годы XIX в. Б. Н. Путилов (Институт этнографии АН СССР) представил доклад «Югославянская баллада и русская культура», в котором попытался дать полный обзор переводов и проанализировать основные направления в литературном, культурно-общественном и научном освоении югославянского народного эпоса в России с конца XVIII в. до наших дней.

Международная встреча славистов проходила в дни ежегодного праздника, посвященного Вуку Караджичу, и была включена в его программу наряду со многими другими культурными и художественными мероприятиями. В воскресенье 15 сентября мы приняли участие в главных торжествах, происходивших на родине великого просветителя.

В деревеньку Тршич, где восстановлен дом Вука, превращенный теперь в мемориальный музей, приехали, пришли пешком десятки тысяч людей. Еще не так давно в эти глухие места трудно было добраться. Студенты Белградского университета проложили дорогу, привели в порядок все вокруг. На пути из Тршича до Трноша, где учился Вук, они поставили тридцать (по числу букв сербского алфавита от А до Ш) деревянных скрижалей с выжженными на них цитатами из сочинений Караджича и высказываниями о нем. Идя этой дорогой (по ней когда-то маленький Вук ходил в школу), вы словно перелистываете книгу, в которой заложены основы новой сербской культуры. Живописные склоны окружающих Тршич гор превращены в громадный амфитеатр, вмещающий многие тысячи зрителей. Внизу — большая площадка — эстрада, на которой смеялись друг друга ораторы, говорившие о значении Вука Караджича для прошлого и настоящего югославской культуры, артисты, хоровые и танцевальные коллективы. Полуторачасовой концерт, который передавался по телевидению, был и данью памяти великого просветителя и демонстрацией сегодняшних достижений сербского профессионального и самодеятельного искусства. А рядом шумела ярмарка, готовилось веселое народное гулянье, с неизменным традиционным коло, с песнями из разных уголков Сербии.

Впервые мне довелось видеть Вуков день в Тршиче десять лет назад. С тех пор, нимало не утратив своей непосредственности и сердечной веселости, праздник стал еще масштабнее, приобрел особую величественность и культурную значимость.

Один день участники Международной встречи славистов провели в Новом Саде, где были гостями Матицы сербской — старейшего научного и культурно-просветительного учреждения Сербии.

Руководители МСЦ приложили максимум усилий, чтобы встреча славистов 17 стран прошла организованно, содержательно и интересно.

Мы долго будем помнить ту сердечность и доброе гостеприимство, которые сопровождали нас в течение всей работы симпозиума.

Б. Н. Путилов